

Омельчук Д. В.

**«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
(1941-1942)**

В первые месяцы войны, наряду с другими, большой проблемой для властей, как военных, так и гражданских было информирование личного состава армии и населения о положении на фронте. Руководство страны скрывало от граждан правду, видимо, не без основания полагая, что она может деморализовать страну. Введена была жесткая иерархия подачи информации. Сначала она должна была быть в сводках Совинформбюро, а уже затем ее можно было печатать в газетах[1]. Так обеспечивался контроль за сообщениями газет как местными, так и центральными. К. Симонов вспоминает, какие трудности испытывал он как журналист, сообщая о героической борьбе наших воинов на подступах к Крыму, тогда как официально Совинформбюро еще не сообщало о взятии немцами Херсона[2]. Д. Ортенберг, в то время главный редактор «Красной звезды» пишет о существовании специального указания ничего не писать о Киеве и не давать никаких подробностей[3]. Ни слова о трагедии окруженных армий в прессу не попало. Но полностью перекрыть путь реальному положению дел на фронте было невозможно. Информация все равно просачивалась, и, более того, передаваясь из уст в уста, порой обрастала новыми, несуществующими подробностями. Официально из сообщений газет и радио люди слышали одно, а дома, в своем кругу говорили другое. Пресечь такую «пораженческую агитацию» были призваны карательные органы. И они старались во всю.

В настоящей статье в качестве источника использованы материалы архивно-следственных дел граждан, осужденных в период обороны Севастополя и реабилитированных в соответствии с Законом Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года. Иными словами, речь пойдет только о тех, кто был осужден необоснованно. Это необходимо подчеркнуть, так как чекисты, охраняя тыл защитников Севастополя, пресекли деятельность немалого числа лиц, действительно совершивших и готовивших преступные действия в пользу противника. Такие не подлежат реабилитации. Однако перегибы были и здесь. В результате страдали невинные люди.

На момент написания статьи автор располагает сведениями на 126 человек. Это далеко не окончательная информация, поскольку поиск и выявление новых имен продолжается.

Начало Великой Отечественной войны стало временем резкой активизации работы органов НКВД по выявлению врагов народа. Если в предвоенные месяцы в Севастополе арестовывалось по обвинению в антисоветских высказываниях и поступках в среднем 1-2 человека, то с 22 июня и до конца месяца арестовано было 12 человек, в июле – 14, а до конца года еще не менее 45 [4]. Есть все основания полагать, что вскоре после начала войны поступила команда «сверху». Как иначе

можно объяснить, что 11 из 12 известных нам июньских арестов совершены в один день, а именно 27 июня. Большинство арестованных были осуждены за антисоветскую агитацию и распространение ложных слухов.

Но каждое дело и судьбы проходивших по нему людей отличаются порой существенно. Охранник склада в военном порту, уроженец Киевской области О. Тропотяга, Военным трибуналом был осужден к расстрелу за клевету на вождей и пораженческие взгляды [5]. Перехитрил, мол, Гитлер Сталина, теперь будет с нами то, что с другими в Европе, - так можно резюмировать суть «пораженческих взглядов», за которые лишили человека жизни.

Начало войны привело к мощному всплеску шпиономании, и не только в Севастополе. То, что фашисты забрасывали сотни и тысячи агентов для дезорганизации советского тыла, общеизвестно, но наряду с выявлением настоящих шпионов были и факты, подобные истории со слесарем Главвоенпорта Анатолием Кобзарем. Он был арестован 28 июня 1941 года, а спустя месяц Военным трибуналом НКВД Крыма был приговорен к расстрелу. Признан виновным в том, что, работая на заводе № 201, собирал секретные сведения о продукции и передавал их агенту немецкой разведки Колесниченко, с которым имел связь с 1937 года. Все обвинение было построено на признаниях самого Кобзаря. Иных доказательств не имелось. Колесниченко по делу Кобзаря не допрашивался [6]. Словом, все, как в прежние годы: признание обвиняемого есть основание для осуждения.

Изучение архивно-следственных дел привело к существенному открытию: арестованных старались не держать в Севастополе, а по мере приближения линии фронта к Крыму этапировали в Иркутск. Вместе с эвакуированным населением, ранеными, транспорты вывозили из Севастополя арестованных за настоящие и мнимые преступления. Назвать точное их число не представляется возможным, но из указанного количества впоследствии реабилитированных в Иркутск было вывезено не менее 30 человек, как для отбывания наказания, так и тех, следствие по делу которых еще продолжалось. В документах нет сведений о судьбе тех лиц, которые были приговорены к различным срокам лишения свободы весной 1942 года. Оставлены они были отбывать наказание в осажденном городе или их также вывезли на «большую землю», неизвестно.

Стоит отметить, что перевод в Иркутскую тюрьму не означал сохранение жизни.

Так, например, С. Князев, проживавший до ареста на улице Советской, 48, умер в Иркутской тюрьме 15 апреля 1942 года, пробив к тому времени в заключении 10 месяцев. Решения по его делу так и не было [7].

Шпиономания приводила порой просто к нелепостям. В числе других 27 июня был арестован учитель естествознания средней школы № 9 г. Севастополя В. Вишняков. Педагог совершенно не подумал, что с началом войны не стоит собирать растения в районе военного аэродрома. Это показалось подозрительным. В этом случае, правда, все закончилось благополучно: 25 августа он был освобожден «за недоказанностью обвинения». Иными словами, хотели «пришить дело», но не смогли. Учитель же почти два месяца провел в камере, пережив не один допрос [8].

**«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
(1941-1942)**

Отметим, что таких дел, которые заканчивались освобождением арестованных людей, в рассматриваемый период было очень и очень мало.

Начало войны требовало изменения и нормативной базы борьбы с врагами народа. К уже существующей печально знаменитой 58 статье Уголовного кодекса РСФСР добавился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Он появился спустя три дня после выступления по радио И. Сталина, предупредившего, что «враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов», и что с распространителями слухов надо организовывать беспощадную борьбу[9].

Н. Васильковский был осужден к 5 годам лишения свободы. Был признан виновным в том, что скрывал от органов антисоветскую агитацию и враждебное отношение своего брата к Советской власти [10]. По обвинению в проведении контрреволюционной агитации были осуждены: работник конторы связи Г. Горлова – к 8 годам, а домохозяйка А. Попандопуло – к 7 годам лишения свободы. Они клеветали на экономическое положение трудящихся и колхозный строй СССР, восхваляя жизнь в царской России [11]. Стандартное обвинение еще и для довоенных лет. Как показывает изучение этих и многих других аналогичных дел, под такое обвинение подгонялись любые позитивные высказывания о жизни до революции или жалобы на дороговизну, дефицит товаров, плохое снабжение. И если обе женщины больше ругали существующие порядки, то работник столовой №1 Севастополя А. Муллер по возрасту вполне мог сравнить то время с дореволюционным. В момент ареста ему было 60 лет. Приговор – 8 лет ИТЛ. Особенность дела в том, что осужден он за преступные действия, совершенные на протяжении 1936-1940 годов. Видимо, материал на него имелся давно. По каким причинам его не пускали в производство, неизвестно, а с началом войны такого ненадежного человека необходимо было изолировать от общества, что и было сделано [12].

Нельзя отрицать, что многие слухи, распространяемые особенно в начальный период войны, не способствовали мобилизации населения на борьбу с врагом. В то же время большая их часть отражала объективную реальность, тщательно скрываемую официальными властями. Но факт и то, что военнотружущие, рабочие, домохозяйки, жены бойцов армии и флота, учителя и другие осужденные Военными трибуналами, не были тем врагом, о котором говорил Сталин. Люди всегда были и будут разными, не всем суждено стать героями. Вне сомнения, что далеко не все были в восторге от Советской власти. И тому были основания. Но когда пришел враг, абсолютное большинство граждан страны сплотились для ее защиты. Но при этом они продолжали критически оценивать действия властей за головоуятие, глупости, которых было достаточно, неискренность и двуличие по отношению к себе. Власть же безжалостно карала и за это, и за малейшее проявление слабости. И если в июле 1941 года НКВД так «подчищало» город, арестовывая людей за старые «грехи» по фактам двух – трех летней давности, а порой и больше, как,

например, Наум Кац, осужденный за то, что с 1926 года систематически проводил антисоветскую агитацию [13], то уже с августа массово стали наказывать за непатриотическое поведение и еще больше за высказывания, сделанные уже в ходе войны. Буфетчица штаба командного пункта Черноморского флота Ирина Морозова, оценивая темпы продвижения немцев вглубь страны, неосторожно заявила, что, мол, скоро так и сюда придут, а механик института им. Сеченова Дмитрий Чернокожин открыто сомневался в правдивости сообщений советской прессы о положении на фронтах. Оба в августе арестованы и приговорены к расстрелу [14]. Отметим, что в действиях Военных трибуналов имелись явные различия в суровости выносимых приговоров за так называемые пораженческие настроения. Более других выносил высшую меру наказания военный трибунал НКВД Крыма. В приговорах военных трибуналов Черноморского флота, Приморской армии, гарнизона г. Севастополя, Севастопольской военно-морской базы и даже Особого совещания НКВД СССР, а также в 1942 году Иркутского областного суда, как правило, ограничивались различными сроками лишения свободы, а то и выносили оправдательные приговоры. Только к осени 1941 года по степени суровости выносимых приговоров картина выравнивается. Остаются только временные отличия. После всплеска арестов июня – июля 1941 года наступает спад, а с началом немцами второго штурма Севастополя количество арестов снова возрастает. Особенностью этой репрессивной волны является многовариантность в судьбах арестованных. Военный трибунал гарнизона г. Севастополя на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года приговорил к тюремному заключению сроком на 5 лет Марию Негрубу. Но, учитывая ее малограмотность, нахождение мужа и сына в рядах Красной Армии трибунал счел определенное ей наказание условным с двухгодичным испытательным сроком [15]. Тот же трибунал приговорил к высшей мере наказания возчика хлебозавода А. Апанасенко за «восхваление фашистского строя и мощи немецкой армии» [16].

Наряду с этим встречаются случаи, когда выдвинутые обвинения не находили подтверждения и задержанных отпускали на свободу.

Продолжались аресты и в 1942 году, вплоть до последних дней обороны города. В июле был арестован и осужден к высшей мере наказания красноармеец Сеит Асан Мурат за проведение антисоветской агитации среди военнослужащих и намерение перейти на сторону фашистов [17]. Сержант Михаил Вольнов был признан виновным в распространении «ложных слухов» о беспорядочном отступлении наших войск в мае 1942 года под Керчью. Следствие не установило источник этих «ложных слухов». Приговор: 5 лет тюрьмы, который отсрочили до конца войны, а Вольнова отправили на передовую [18].

Репрессии за недостаток патриотизма и нелояльные по отношению к власти настроения использовались в начале войны как продолжение линии 20-30 годов, когда подобные действия властей использовались как метод социального управления. Репрессии имели целью сплотить общество перед смертельной угрозой, нависшей над советским государством. Ответ на вопрос, насколько такие действия были эффективными, вели ли они к усилению сопротивления фашистской агрессии

**«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
(1941-1942)**

или, напротив, порождали все большее недовольство, давали обратный эффект, особенно в виде коллаборационизма на оккупированных территориях, не так прост. Для ответа на него требуются дальнейшие исследования этой непростой проблемы.

Литература

1. Оргенберг Д.И. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. – М., МП «Кодекс» Объединенная редакция МВД России, 1995, с.62, 105.
2. Симонов К.М. Разные дни войны: Дневник писателя. Том первый. Собрание сочинений. В 10-ти т. т. 8. М.: Художественная литература. 1979, с.284.
3. Оргенберг Д.И. Указ. Соч. с.60.
4. Здесь и далее подсчеты автора.
5. Архив Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму. Д. 020797.
6. Там же. Д. 021543.
7. Там же. Д. 04527.
8. Там же. Д. 03666.
9. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 – 1945 г.) Документы и материалы. М., 1970. с. 148–149.
10. Архив Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму. Д. 020797. Из материалов дела следует, что брат также был осужден, однако, его дел пока не выявлено.
11. Там же. Д. 03712. Д. 09533.
12. Там же. Д. 03692.
13. Там же. Д. 020374.
14. Там же. Д. 020377. Д.020376.
15. Там же. Д. 05619.
16. Там же. Д. 020971.
17. Там же. Д. 021443.
18. Там же. Д. 020805.